

Иван Сергеевич
ТУРГЕНЕВ
1818 – 1883

Иван
ТУРГЕНЕВ

Первая любовь

АЗБУКА

Санкт-Петербург

Повести

ЗАТИШЬЕ

I

В довольно большой, недавно выбеленной комнате господского флигеля, в деревне Сасове, — го уезда, Т... губернии, сидел за старым покоробленным столиком, на деревянном узком стуле молодой человек в пальто и рассматривал счета. Две стеариновые свечки, в дорожных серебряных шандалах, горели перед ним; в одном углу на лавке стоял открытый погребец, в другом — слуга устанавливал железную кровать. За низкой перегородкой ворчал и шипел самовар; собака ворочалась на только что принесенном сене. В дверях стоял мужик в новом армяке, подпоясанный красным кушаком, с большой бородой и умным лицом, по всем признакам староста; он внимательно глядел на сидевшего молодого человека. У одной стены стояло очень ветхое крошечное фортепьяно, возле столь же древнего комода с дырами вместо замков; между окнами виднелось темное зеркальце; на перегородке висел старый, почти весь облупившийся портрет напудренной женщины, в роброне и с черной ленточкой на тонкой шее. Судя по заметной кривизне потолка и покатоности щелистого пола, флигелек, в который мы ввели читателя, существовал давным-давно; в нем никто постоянно не жил, он служил для господского приезда. Молодой человек, сидевший за столом, был именно владелец деревни Сасовой. Он только накануне прибыл из главного своего имения, отстоящего верст за сто отсюда, и на другой же день собирался уехать, окон-

чивши осмотр хозяйства, выслушавши требования крестьян и проверив все бумаги.

— Ну, однако, довольно, — промолвил он, приподняв голову, — устал. Ты теперь можешь идти, — прибавил он, обращаясь к старосте, — а завтра приходи пораньше, да с утра повести мужиков, чтобы на сходку явились, слышишь?

— Слушаю.

— Да земскому вели мне ведомость за последний месяц представить. Однако ты хорошо сделал, — продолжал барин, оглянувшись, — что стены выбелил. Всё как будто чище.

Староста молча тоже оглянул стены.

— Ну, теперь ступай.

Староста поклонился и вышел.

Барин потянулся.

— Эй! — крикнул он. — Дайте мне чаю... Пора спать.

Слуга отправился за перегородку и скоро вернулся с стаканом чаю, связкой городских котёлок и сливочником на железном подносе. Барин принялся пить чай, но не успел он отхлебнуть двух глотков, как в соседней комнате послышался стук вошедших людей и чей-то пискливый голос спросил:

— Владимир Сергеич Астахов дома? Можно их видеть?

Владимир Сергеич (так именно звали молодого человека в пальто) с недоумением посмотрел на своего человека и торопливым шепотом проговорил:

— Поди узнай, кто это?

Человек вышел и прихлопнул за собой плохо за-
творявшуюся дверь.

— Доложи Владимиру Сергеичу, — раздался тот же пискливый голос, — что сосед их Ипатов желает их видеть, буде не беспокоит; да со мной еще приехал другой сосед, Бодряков, Иван Ильич, тоже желают почтение свое засвидетельствовать.

Невольно движение досады вырвалось у Владимира Сергеича. Однако, когда слуга его вошел в комнату, он сказал ему:

— Проси.

И он встал в ожидании гостей.

Дверь отворилась, и появились гости. Один из них, плотный седой старичок, с круглой головкой и светлыми глазками, шел впереди; другой, высокий, худощавый мужчина, лет тридцати пяти, с длинным смуглым лицом и беспорядочными волосами, выступал, переваливаясь, сзади. На старичке был опрятный серый сюртук с большими перламутровыми пуговицами; розовый галстучек, до половины скрытый отложным воротничком белой рубашки, свободно обхватывал его шею; на ногах у него красовались штиблеты, приятно пестрели клетки его шотландских панталон, и вообще он весь производил впечатление приятное. Его товарищ, напротив, возбуждал в зрителе чувство менее выгодное; на нем был черный старый фрак, застегнутый наглухо; штаны его, из толстого зимнего трико, подходили под цвет его фрака; ни около шеи, ни у кистей рук не виднелось белья. Старичок первый приблизился к Владимиру Сергеичу и, лобезно поклонившись, заговорил тем же тоненьким голоском:

— Честь имею рекомендоваться — ближайший ваш сосед и даже родственник, Ипатов, Михайло Николаич. Давно желал иметь удовольствие с вами познакомиться. Надеюсь, что не обеспокоил.

Владимир Сергеич отвечал, что он очень рад и сам желал... и что беспокойства никакого нет и не угодно ли сесть... чаю выкушать.

— А этот дворянин, — продолжал старичок, выслушав с приветной улыбкой недомолвленные речи Владимира Сергеича и протянув руку в направлении господина во фраке, — тоже ваш сосед... и мой хороший знакомый, Бодряков, Иван Ильич, сильно желал с вами познакомиться.

Господин во фраке, по лицу которого никто бы не предположил, чтобы он чего-нибудь мог сильно пожелать в своей жизни — до того рассеянно и в то же время сонливо было выражение этого лица, — господин во фраке поклонился неловко и вяло. Владимир Сергеич поклонился ему в ответ и вторично попросил гостей присесть.

Гости сели.

— Очень рад, — начал старичок, приятно расставив руки, между тем как его товарищ принялся, слегка раскрыв рот, оглядывать потолок, — очень рад, что имею наконец честь видеть вас лично. Хотя вы постоянным жительством вашим и обретаетесь в довольно отдаленном от здешних мест уезде, однако мы считаем вас тоже своим, коренным, так сказать, владельцем.

— Мне это очень лестно, — возразил Владимир Сергеич.

— Лестно ли, нет ли, а оно так. Вы, Владимир Сергеич, извините, мы здесь, в —ом уезде, народ прямой, по простоте живем: говорим, что думаем, без обиняков. У нас даже, скажу вам, на именины друг к другу ездят не иначе как в сюртуках. Право! Так уж у нас заведено. В соседних уездах нас за это сюртучниками называют и даже упрекают якобы в дурном тоне, но мы на это и внимания не обращаем! Помилуйте, в деревне жить — да еще чиниться?

— Конечно, что может быть лучше... в деревне... этой натуральности в обращении, — заметил Владимир Сергеич.

— А между тем, — возразил старичок, — и у нас в уезде живут люди, можно сказать, умнейшие, европейски образованные люди, хоть и фраков не носят. Вот хоть бы, например, историк наш, Евсюков, Степан Степаныч: он российской историей с самых древнейших времен занимается и в Петербурге известен, ученейший человек! В городе нашем старин-

ное шведское ядро, знаете... там оно среди площади поставлено... ведь это он его открыл. Как же! Центелер, Антон Карлыч... тот естественную историю изучил: впрочем, говорят, эта наука всем немцам далась. Когда у нас, лет десять тому назад, забежавшую гиену убили, так ведь это Антон Карлыч открыл, что она действительно была гиена, по причине особенного устройства ее хвоста. Вот еще Кабурдин есть у нас, помещик; тот больше легкие статейки пишет; очень бойкое у него перо, в «Галатее» есть его статейки. Бодряков... не Иван Ильич, нет, Иван Ильич этим неглижирует, а другой Бодряков, Сергей... как бишь его по батюшке-то, Иван Ильич... как бишь?

— Сергеич, — подхватил Иван Ильич.

— Да, Сергей Сергеич, — тот стихами занимается. Ну, конечно, не Пушкин, а иногда так отбреет, что хоть бы в столице. Вы его эпиграмму на Агея Фомича знаете?

— На какого Агея Фомича?

— Ах, извините; я все забываю, что вы все-таки не здешний житель. На нашего исправника. Очень смешная вышла эпиграмма. Иван Ильич, ты, кажется, ее помнишь?

— Агей Фомич, — равнодушно заговорил Бодряков, —

...недаром славно
Дворянским выбором почтен...

— Надо вам сказать, — перебил Ипатов, — что его выбрали почти что одними белыми шарами, ибо человек он наидостойнейший.

— Агей Фомич, — повторил Бодряков, —

...недаром славно
Дворянским выбором почтен:
Он пьет и кушает исправно...
Так как же не исправник он?

Старичок засмеялся.

— Хе-хе-хе! а ведь недурно? С тех пор, поверите ли вы, всякий из нас скажет, например, Агею Фомичу: здравствуйте — и уже непременно прибавит: «Так как же не исправник он?» И Агей Фомич, вы думаете, сердится? Нисколько. Нет — у нас этого и в заведении нет. Вот спросите хоть Ивана Ильича.

Иван Ильич только глазами повел.

— Сердиться за шутку, как это можно! Вот хоть бы Иван Ильич, его у нас прозывают Складная Душа, потому что он весьма скоро на все соглашается. Что ж? разве Иван Ильич за это обижается? Никогда!

Иван Ильич посмотрел, медленно мигая, сперва на старичка, потом на Владимира Сергеича.

Название Складная Душа действительно очень шло к Ивану Ильичу. В нем и следа не было того, что называется волей или характером. Всякий, кто только хотел, мог увести его с собой куда угодно; стоило только сказать ему: Иван Ильич, поедemте, — он брал шапку и ехал; а подвернись тут другой и скажи ему: Иван Ильич, останьтесь, — он клал шапку и оставался. Нрава он был миролюбивого и тихого, весь свой век прожил холостяком, в карты не играл, но любил сидеть возле играющих и глядеть им по очереди в лица. Без общества он жить не мог и уединения не переносил; он тогда впадал в уныние; впрочем, это с ним случалось очень редко. За ним водилась еще одна особенность: встав рано поутру с постели, он вполголоса напевал старинный романс:

В деревне некогда барон
Жил с деревенской простотою...

Вследствие этой особенности Ивана Ильича его прозывали также щуром; известно, что щур в клетке поет только раз в течение дня, рано поутру. Таков был Иван Ильич Бодряков.

Разговор между Ипатовым и Владимиром Сергеевичем продолжался довольно долго, но уже не в прежнем, так сказать, умозрительном направлении. Старичок расспрашивал Владимира Сергеевича об его имени, о состоянии его лесных и других дач, об усовершенствованиях, которые он уже ввел или только намеревался ввести в своем хозяйстве; сообщил ему несколько своих собственных наблюдений, посоветовал, между прочим, для истребления луговых кочек обсыпать их кругом овсом, что будто бы побуждает свиней срывать их своими носами, и т. п. Наконец, однако, заметив, что у Владимира Сергеевича слипались глаза и в самых словах проявлялась некоторая медлительность и бессвязность, старичок встал и, любезно поклонившись, объявил, что он не намерен более стеснять своим присутствием, но что надеется иметь удовольствие видеть у себя дорогого гостя не позже завтрашнего дня к обеду.

— А в мою деревню, — прибавил он, — не говорю уже малое дитя, первая встречная, смею сказать, курица или баба вам дорогу укажет, стоит только спросить Ипатовку. Лошади сами добегут.

Владимир Сергеевич отвечал с небольшой, впрочем, свойственной ему запинкой, что постарается... что если ничего не воспрепятствует...

— Нет, уж мы вас будем ждать наверное, — перебил его ласково старичок, крепко пожал ему руку и проворно вышел, воскликнув у двери в полуоборот, — без церемонии!

Складная Душа Бодряков поклонился молча и исчез вслед за своим товарищем, предварительно споткнувшись на пороге.

Проводив неожиданных гостей, Владимир Сергеевич тотчас разделся, лег в постель и заснул.

Владимир Сергеевич Астахов принадлежал к числу людей, которые, осторожно попытавши свои силы на двух-трех различных поприщах, сами говорят о себе,

что решились наконец взглянуть на жизнь с практической точки зрения и посвящают досуг умножению своих доходов. Он был не глуп, довольно скуп и очень рассудителен, любил чтение, общество, музыку, но все в меру... и держал себя очень прилично. Ему было всего двадцать семь лет. Подобных ему молодых людей развелось в последнее время много. Он был среднего роста, хорошо сложен, черты лица имел приятные, но мелкие: выражение их почти никогда не менялось, глаза его глядели всегда одним и тем же сухим и светлым взором; лишь изредка смягчался он легким оттенком не то грусти, не то скуки; учтивая улыбка почти не покидала его губ. Волосы у него были прекрасные, белокурые, шелковистые и в длинных завитках. За Владимиром Сергеевичем считалось около шестисот душ хорошего имени, и он думал о браке, браке по наклонности, но в то же время выгодном. Особенно хотелось ему сыскать жену со связями. Он находил, что у него недостаточно было связей. Словом, он заслуживал вошедшее недавно в моду название джентльмена.

Вставши на другое утро, по обыкновению очень рано, джентльмен наш занялся делами, и, должно отдать ему справедливость, занялся ими довольно дельно, что не всегда можно сказать про молодых практических людей у нас на Руси. Он терпеливо выслушал сбивчивые просьбы и жалобы мужиков, удовлетворил их насколько мог, разобрал возникшие споры и несогласия между родными, одних усуетил, на других прикрикнул, проверил отчет земского, вывел на свежую воду две-три плутни старосты, словом — распорядился так, что и сам остался собою доволен и крестьяне, возвращаясь со сходки ко дворам, отзывались о нем хорошо. Несмотря на слово, данное накануне Ипатову, Владимир Сергеевич решил было обедать дома и даже заказал своему походному повару любимый рисовый суп с потрохами,

но вдруг, быть может вследствие чувства довольства, наполнившего его душу с утра, остановился посреди комнаты, ударил себя рукою по лбу и не без некоторой удалости громко воскликнул: «А поеду-ка я к этому старому краснобаю!» Сказано — сделано; чрез полчаса он уже сидел в своем новеньком тарантасе, запряженном четвернею добрых крестьянских лошадей, и ехал в Ипатовку, до которой считалось не более двенадцати верст отличной дороги.

II

Усадьба Михаила Николаевича Ипатова состояла из двух отдельных господских домиков, построенных друг против друга по обеим сторонам огромного проточного пруда. Длинная плотина, обсаженная серебристыми тополями, замыкала этот пруд; почти в уровень с ней виднелась красная крыша небольшой мельницы-колотовки. Построенные одинаково, выкрашенные одной лиловой краской, домики, казалось, переглядывались через широкую водную гладь блестящими стеклами своих маленьких чистых окон. Посредине каждого из домиков выдавалась круглая терраса и возвышался острый фронтон, подпертый четырьмя тесно поставленными белыми колоннами. Вокруг всего пруда шел старинный сад: липы тянулись по нем аллеями, стояли сплошными купами; заматерелые сосны с бледно-желтыми стволами, темные дубы, великолепные ясени высоко поднимали там и сям свои одинокие верхушки; густая зелень разросшихся сиреней и акаций подступала вплоть до самых боков обоих домиков, оставляя открытыми одни их передние стороны, от которых бежали вниз по скатам извилистые, увитые кирпичом дорожки. Пестрые утки, белые и серые гуси плавали отдельными станицами по светлой воде пруда:

он никогда не зацветал благодаря обильным ключам, бившим в его «голове» со дна крутого и каменистого оврага. Местоположение усадьбы было хорошо: приветливо, уединенно и красиво.

В одном из двух маленьких домиков жил сам Михаил Николаич; в другом жила его мать, дряхлая старуха лет семидесяти. Въехавши на плотину, Владимир Сергеич не знал, к какому дому направиться. Он оглянулся — дворовый мальчик удил рыбу, стоя босиком на полусгнившей коряге. Владимир Сергеич окликнул его.

— Да вам к кому, к старой барыне аль к барчуку? — возразил мальчик, не сводя глаз с поплавок.

— К какой барыне? — ответил Владимир Сергеич. — Я к Михаилу Николаичу.

— А! к барчуку? Ну так ступайте направо.

И мальчик дернул удочкой и вытащил из неподвижной воды небольшого серебристого карася. Владимир Сергеич отправился направо.

Михаил Николаич играл в шашки со Складной Душою, когда ему доложили о приезде Владимира Сергеича. Он очень обрадовался, вскочил с кресел, выбежал в переднюю и в передней трижды с ним облобызался.

— Вы меня застаете с моим неизменным приятелем, Владимир Сергеич, — заговорил словоохотливый старичок, — с Иваном Ильичом, который, скажу мимоходом, совершенно очарован вашей обходительностью. (Иван Ильич молча глянул в угол.) Он был так добр, остался со мной в шашки играть, а мои все пошли в сад гулять, но я сейчас за ними пошлю...

— Да зачем же беспокоить... — начал было Владимир Сергеич.

— Какое беспокойство, помилосердуйте. Эй, Ванька, сбегай за барышнями скорей... скажи, гость, мол, пожаловал. А каково вам здешняя местность нравит-

ся, ведь недурна, не правда ли? Кабурдин стихи на нее сочинил. «Ипатовка, приют любезный», так начинается, — дальше тоже хорошо, только не всё помню. Сад велик, вот беда, не по средствам. А эти два дома, столь между собой схожие, как вы изволили, может быть, заметить, были построены двумя братьями, отцом моим Николаем и дядей Сергеем; они же и сад развели, друзья были примерные... Дамон и... вот тебе на! забыл, как другого звали...

— Пифион, — заметил Иван Ильич.

— Полно, так ли? Ну все равно. (Дома старик говорил гораздо развязнее, чем в гостях.) Вам, Владимир Сергеич, вероятно, небезызвестно, что я вдовец, лишился жены; старшие детки в казенных заведениях, а со мной только две меньшеньких, да свояченица живет, женина сестра, вот вы ее сейчас увидите. Да что ж это я вас ничем не потчую. Иван Ильич, распорядись, братец, насчет закуски... Какую вы водку предпочитать изволите?

— Я до обеда ничего не пью.

— Помилуйте, как это можно! А впрочем, как вам будет угодно. Гостю воля, гостю честь. Ведь здесь у нас по простоте. Здесь у нас, осмелюсь так выразиться, не то чтобы захоlustье, а затишье, право, затишье, уединенный уголок — вот что! Но что же вы не сядете?

Владимир Сергеич сел, не выпуская из рук шляпы.

— Позвольте вас облегчить, — проговорил Ипатов и, деликатно отняв у него шляпу, отнес ее в угол, потом возвратился, с ласковой улыбкой посмотрел гостю в глаза и, не зная, что бы такое сказать ему приятное, спросил его самым радушным образом, любит ли он играть в шашки?

— Я плохо играю во все игры, — ответил Владимир Сергеич.

— И это с вашей стороны прекрасно, — возразил Ипатов, — но шашки это не игра, а скорее забава,

препровождение праздного времени; не так ли, Иван Ильич?

Иван Ильич взглянул на Ипатова равнодушным взглядом, словно думая про себя: «А черт их знает — игра ли она или забава», но погода немного он промолвил:

— Да; шашки — ничего.

— Вот, говорят, шахматы другое дело, — продолжал Ипатов, — говорят, это игра претрудная. Но по моему... а, да вот и мои идут! — перебил он сам себя, взглянув в полурастворенную стеклянную дверь, выходящую в сад.

Владимир Сергеич встал, обернулся и увидел сперва двух девочек лет около десяти, в розовых ситцевых платьицах и больших шляпах, проворно избежавших по ступеням террасы; вскоре за ними появилась девушка лет двадцати, высокого роста, полная и стройная, в темном платье. Все они вошли в комнату, девочки чинно присели перед гостем.

— Вот-с, рекомендую, — проговорил хозяин, — мои дочки-с. Эту вот Катей зовут-с, а эту Настей, а эта вот моя свояченица, Марья Павловна, о которой я уже имел удовольствие вам говорить. Прошу любить да жаловать.

Владимир Сергеич поклонился Марье Павловне; она ответила ему едва заметным наклонением головы.

Марья Павловна держала в руке большой раскрытый нож; ее густые русые волосы слегка растрепались, небольшой зеленый листок запутался в них, коса выбилась из-под гребня, смуглое лицо зарумянилось, и красные губы раскрылись; платье казалось измятым. Она дышала быстро; глаза ее блестели; видно было, что она работала в саду. Она тотчас же вышла из комнаты, девочки побежали за ней.

— Туалет-с немножко в порядок привести, — заметил старик, обращаясь к Владимиру Сергеичу, — без этого нельзя-с.